

ФИНН КИДЛЕНД И ЭДВАРД ПРЕСКОТТ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА КАРКАСА НОВОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ МАКРОЭКОНОМИКИ

Присуждение Нобелевских премий макроэкономистам в последнее время ожидается с особым интересом. С одной стороны, это связано с тем, что большинство фундаментальных вкладов в макроэкономическую теорию, породившие целые направления экономического анализа, уже отмечены. С другой стороны, в выборе Нобелевского комитета прослеживается определенная логика: отмечаются действительно новаторские работы, а их принадлежность к тому или иному методологическому направлению или, лучше сказать, исследовательскому лагерю, не является принципиальным. Более того, плюрализм исследовательских программ, получивших самое высокое академическое признание, довольно большой. Это вдохновляет на поиски новых идей и методов анализа проблем, которые, казалось бы, известны не одно столетие.

Выбор Нобелевского комитета в 2004 г. в этом плане был своего рода неожиданностью и, одновременно, закономерностью. Неожиданности ей прибавило то, что нобелианты – Финн Кидленд и Эдвард Прескотт – это представители новой классической макроэкономии, пионер которой – Роберт Лукас уже был отмечен этой престижной наградой в 1995 г. «за развитие и применение гипотезы рациональных ожиданий, на основе чего был трансформирован макроэкономический анализ и углублено понимание экономической политики». Закономерным же это событие делает то, что радикальные трансформации макроэкономической политики непосредственно порожденные развитием идей, заложенных указанными авторами в достаточно оригинальное толкование фундаментальных ограничений эффективности и состоятельности макроэкономической политики. Сам Нобелевский комитет отметил этих ученых «за вклад в динамическую макроэкономику: временную консистентность экономической политики и детерминирующие силы развития бизнес-циклов».

Критика активистского подхода в макроэкономике давняя и достаточно известна. Теоретическая платформа новых классиков стала продолжением традиционной апологии в пользу рыночного саморегулирования и вредности вмешательства в макропроцессы со стороны правительств и центральных банков. Но без трудов Кидленда и Прескотта такая критика очень часто оставалась бы апологией или же опиралась на уже известные теоретические постулаты, например, монетаристские. Это ограничивало бы развитие фундаментальной составляющей соответственной критики, не демонстрировало бы научной эlegantности и, что самое главное – эпистемологической и методологической убедительности. Нобелианты 2004 г. в конце 70-х – в начале 80-х годов буквально двумя статьями заполнили пробел всей доктрины новой классической макроэкономии, понуждая многих авторов делить развитие новой классической школы на «до» и «после». Наиболее важно здесь то, что ученые показали, как рациональное поведение экономических агентов ведет к тому, что конфликты целей в сфере макроэкономического выбора порождают негативные результаты даже без фактически произведенных действий, обращая

В. Козюк

Финн Кидленд и Эдвард Прескотт...

внимание на такое, казалось бы, внеэкономическое явление, как доверие, а шоки технологий превращают колебания ВВП в равновесные, делая такие действия излишними. Такой подход можно назвать своеобразным «двойным ударом» по восприятию возможностей макроэкономической политики.

Невзирая на ощутимое академическое сопротивление новациям Кидленда и Прескотта, развитие событий в сфере эволюции макроэкономической политики и ее институционального обеспечения убедительно доказывают, что вклад этих авторов не оказался изысканной теоретической абстракцией. Он превратился в идейную основу поиска вариантов обеспечения более эффективного функционирования институций макроэкономической политики, что предусматривает преодоление конфликта целей, завоевания доверия и учета того, что технологические шоки не могут компенсироваться перманентными аккомодативными реакциями со стороны управления спросом. Формирование современных архетипов понимания и представлений об эффективной макрополитике требует углубленного анализа вклада Кидленда и Прескотта в экономическую науку, что подтверждает *актуальность* данного исследования.

Несмотря на то, что научное наследство указанных авторов находится под пристальным полемическим взглядом представителей противоположных экономических лагерей, в отечественной литературе встречается немного исследований их теоретических взглядов [1]. При этом российские исследователи больше сосредоточились на анализе проблемы «реального бизнес-цикла» и теоретических выкладках, в которых, собственно, и аргументируется обусловленность равновесных краткосрочных флуктуаций выпуска технологическими шоками [2, 3]. Такая «раздвоенность» по большому счету объективна, поскольку теория динамической инконсистентности политики и теория реального бизнес-цикла выступают достаточно самостоятельными векторами нового классического подхода к макроэкономике. Аналогично, большинство трудов, базирующихся на этих теоретических подходах, также занимают достаточно самостоятельные ниши в рамках теоретической макроэкономики: первый – в теории политики, второй – в теории экономического роста и циклических колебаний. Принимая во внимание, что в формальном макроанализе эти подходы в большинстве случаев не пересекаются, создается относительная иллюзия того, что они существуют изолированно друг от друга. При этом, если теория динамической инконсистентности еще подвергалась критике в 1980-х [4], а уже в 1990-х практически не было ни одной теоретической работы по монетарной политике [см.: 5], в которой бы не делалась ссылка на пионерную статью Кидленда и Прескотта 1977 г. [6], то теория реального бизнес-цикла, основы которой были заложены в работе 1982 г. [7], как дискутировалась в середине 80-х гг. [8], так и продолжает оставаться предметом оживленных споров о полноте макроэкономической картины, представленной ортодоксальными доктринами [9]. Впрочем, она признана неотъемлемой составляющей науки XX столетия. Более того, очень часто теорию реальных бизнес-циклов представляют отдельным разделом макроэкономики, а не составляющей нового классического подхода [10], что само по себе демонстрирует ее непреходящую значимость.

Финн Кидленд родился в 1943 г. в Норвегии. В 1968 г. закончил Норвежскую школу экономики и бизнес-администрирования. В 1973 г. получил

степень доктора философии по экономике в американском Университете Карнеги-Меллона. В последние годы ученый работает в Тепперской бизнес-школе, Университете Карнеги-Меллона и Калифорнийском университете.

Эдвард Прескотт родился в 1940 г. в США. В 1962 г. он окончил Свортморский колледж, получив степень бакалавра по математике, а в 1963 г. – Кэйс-Вестернский резервный университет, став магистром по исследованию операций. В 1967 г. Э. Прескотт получил степень доктора философии по экономике в Университете Карнеги-Меллона. В настоящее время он работает в Федеральном резервном банке в г. Миннеаполис и Аризонском государственном университете.

Две фундаментальные работы Кидленда и Прескотта стали своеобразным краеугольным камнем всего каркаса новой макроэкономики. Еще со времен монетаристов критика господствующего подхода к макроэкономике опиралась не на отдельные слабые места кейнсианской теории или неоклассического синтеза, а на фундаментальные основы экономического анализа, что, естественно, предусматривало соответствующие последствия для понимания экономической политики. Несмотря на то, что принципы, например, конкурентности и эффективности рынков, учета монетарного фактора в функции благосостояния, долгосрочной стабильности и обусловленности потребления доходом, монетаристы, как и кейнсианцы, оставались экономистами, сориентированными на проблему спроса. Даже введение гипотезы адаптивных ожиданий в лексикон макроэкономического анализа не изменило парадигмы о взаимосвязи между факторами спроса и предложения в структуре движущих сил макропроцессов, принимая во внимание, что в обоих случаях фискальная и монетарная политика признавались имеющими непосредственное влияние на спрос и его изменения. Изменения соответствующих экономических инструментов ведет к изменениям – то ли реальным, то ли номинальным, но фактическим и, что самое главное, таким, которые можно верифицировать эмпирическим путем. Вопреки тому, что работа М. Фридмана «Роль монетарной политики» (1968 г.) стала, по выражению Дж. Тобиана, «шоком для тогдашнего академического истеблишмента», с сегодняшних позиций ясно, что радикального новаторства она не содержала, несмотря на свою полную убедительность. Существенные неудачи в макрополитике 1970-х можно связать с тем, что решение ключевых проблем – инфляции и безработицы – во многом объясняются изменчивостью мер в сфере экономической политики. Борьба с инфляцией осуществлялась по монетаристской логике, а с безработицей – по кейнсианской. Определенный консенсус в сфере теоретического обоснования политики, который наметился в 1980-х, основывался на монетаристской теории. Однако такой консенсус как появился, та и исчез под влиянием усиления академической респектабельности новой макроэкономики. Пионерная работа Р. Лукаса 1973 г. положила начало одному из принципиальных измерений экономической действительности – рациональным ожиданиям, или ожиданиям, обращенным в будущее [11]. И уже в 1990-х на почве теоретических моделей новой макроэкономики строились основы экономической политики и модели экономического анализа.

Так, «критика Лукаса» означала, что в случае, когда экономические агенты формируют рациональные ожидания, макроэкономическая политика не может осуществляться так, будто бы экономические агенты не прогнозируют ее будущих последствий и влияния на собственное благосостояние, или же к сформированному

образу поведения органов экономической политики экономические агенты очень быстро приспосабливаются таким образом, что результаты политики перестают быть заданными, поскольку экономические агенты, предусмотрев направление политики, изменяют свое поведение соответственно с собственной функцией максимизации благосостояния. Иными словами, структурные связи между переменными не остаются фиксированными в случае рациональной оценки изменения режима политики [12]. В более широком контексте из этого следуют принципиальные выводы. Во-первых, эмпирически выявленные связи между экономическими переменными еще не являются основанием для того, чтобы считать их репрезентирующими структурные характеристики экономики. «Кривая Филлипса» в этом плане выступает не более, чем отдельным случаем, который, даже часто повторяясь, не дает оснований считать его фундаментальной характеристикой по типу силы тяготения в ньютоновской системе. Во-вторых, рациональность ожиданий означает, что цены и зарплата эластичны. Отсюда: обратная связь между инфляцией и безработицей возникает только в случае, когда экономические агенты при наличии асимметрии в информации допускают временную ошибку в отождествлении реального спроса с номинальным. Это также значит, что в краткосрочном периоде практически достаточно широкий набор экономических переменных вообще оказывается излишним, поскольку текущий выпуск начинает описываться как разность между фактической инфляцией и инфляцией ожидаемой, а также то, что естественный уровень выпуска (и занятости), как и в случае монетаризма, становится основным параметром экономики в равновесном состоянии. Супернейтральность макроэкономической политики, таким образом, была доказана, что не оставляло места для маневра и делало всякие стабилизационные шаги на основе манипулирования размерами спроса априори неэффективными с точки зрения текущей инфляции. В 1975 г. на основе гипотезы рациональных ожиданий Р. Барро придал рикардианской эквивалентности второе дыхание, обосновав также и нейтральность фискальной политики.

Однако, супернейтральность экономической политики, «критика Лукаса» и апологетика естественного уровня выпуска оказались целостными и четко увязанными компонентами подхода, претендующего на парадигмальную новизну, в ранних версиях новой классической макроэкономики. Несмотря на очевидный конфликт с монетаризмом, не хватало целого ряда новаторских элементов, демонстрирующих возникновение самодостаточного и завершенного парадигмального направления развития теоретической макроэкономики. Со стороны анализа эффективности политики нельзя было положиться на то, что инфляция или безработица является исключительно последствиями разногласий между характером политики и ожиданиями касательно ее. Как объяснить то, что ухудшение инфляционного результата политики систематически возможно даже тогда, когда центральный банк по-настоящему осознает бесперспективность инфляционного стимулирования спроса? То есть, как объяснить неудовлетворительные макроэкономические результаты, если не только экономические агенты рациональны, но и органы макрополитики? Со стороны поведения реального выпуска также невозможно понять, почему рациональность ожиданий экономических агентов ведет к гибкости цен и зарплат, но допускает экономические колебания, причем достаточно ощутимые и не связанные с изменениями спроса. Иными словами, оставаясь в рамках ранней версии новой макроэкономики, трудно говорить о динамической макроэкономике, ведь все дискуссии об ограничительном характере естественного выпуска – это дискуссии вокруг статичной проблемы. Изменения от

одного естественного уровня к другому неравномерны, а три ключевых переменных – доход, потребление и инвестиции – как временные функции ведут себя не одинаково.

Для выяснения проблемы неэффективности активистской политики Кидленд и Прескотт выдвинули новаторскую идею об инкосистентности (непоследовательности, или же неоднородности) решений центральных банков в динамике. В общем, это означает, что центробанки осознают отсутствие альтернативы между инфляцией и безработицей в долгосрочной перспективе, поэтому склонны осуществлять политику, ориентированную на укрощение инфляции. Однако, в краткосрочном периоде в силу асимметрии информации на рынке труда возможности по созданию непредвиденной инфляции для решения проблемы занятости существуют. Поскольку экономические агенты осознают факт настоящего конфликта, они считают, что центр-банк не будет в будущем придерживаться объявленного уровня инфляции и начинают повышать цены уже сегодня, благодаря чему равновесный уровень инфляции начинает повышаться. Таким способом формируется перманентное инфляционное смещение политики. Новаторским подходом в теории динамичной инкосистентности и инфляционного смещения было применение подхода теории игр к вполне реалистичным макроэкономическим проблемам, в результате чего поведение органов макроэкономической политики и экономических агентов начали рассматривать в категориях стратегической игры, к которой со временем начали добавлять элементы ограничений в отношении периодов (однопериодные игры, многопериодные игры, игры на бесконечном – неопределенном – временном горизонте), а каждый из участников наделялся собственной функцией полезности, или, другими словами, функцией потерь. Если «критика Лукаса» продолжила начатую монетаристами апологетику необоснованности превращения эмпирической зависимости между определенными макропеременными в критерий ограничений макрополитики, следование которому приводит только к ухудшениям результатов, то в дискурсе Кидленда и Прескотта уже сам факт вероятности выбора между наборами альтернатив ухудшает результат.

Такой радикальный взгляд на проблему макроэкономического выбора только при поверхностном анализе рождает представление, что от самих макроэкономических процессов ничего не зависит: достаточно только осознания экономическими агентами теоретического допущения, на которое может опереться центробанк, принимая решение, чтобы результат уже был представлен таковым, который отвечает предвидению согласно принципам рациональных ожиданий. На самом деле, проблема, поставленная нобелиантами в 1977 г., более глубокая.

Во-первых, ожидания, как бы они не формировались, находятся под систематическим влиянием со стороны самообучения, а это означает, что владение принципами принятия решений становится основой для их предвидения. Макроэкономическая теория может изменять эти принципы, представляя поведенческую эволюцию органов макроэкономической политики, но это же означает, что экономические агенты эволюционируют так же, иначе первые всегда были бы в выигрышной ситуации и максимизировали бы ВВП и занятость, не прибегая к инфляции.

Во-вторых, Кидленд и Прескотт продемонстрировали, что экономическая политика может быть предметом позитивной, а не нормативной теории. Конфликт приоритетов как неотъемлемая составная структуры политики программирует ее провалы. Позитивный ракурс такого взгляда, в отличие от нормативного, позволяет увидеть, что какими бы ни были цели и приоритеты, сам факт конфликта ведет к ухудшению результата. Отсюда: политика как акт вмешательства даже без спекуляций по поводу

ее нормативной составляющей признается обреченной или, в более мягкой формулировке, – запрограммированной на недостижение поставленной цели. Благодаря формализации доведения этого феномена на основе математического аппарата теории игр удалось подвести фундаментальную теоретическую базу под критику макроэкономического активизма и развить представление о логике развития событий в рамках взаимосвязей между участниками стратегической макроэкономической игры. По сути, этот подход демонстрирует, что и без проблемы лагов и ее составных эмпирических решений, и без ограничения макромоделей, которые не учитывают предвидений экономическими агентами влияния политики на собственное благосостояние, можно обойтись. Достаточно, чтобы экономические агенты осознавали конфликт целей органов макрополитики, а последние вели себя так, будто этот конфликт реально существует. А поскольку, даже если он и не существует, а несовпадения в ожидаемой и фактической инфляции приводят к формальному подтверждению его наличия, любые дополнительные теоретизирования по поводу вариантов вмешательства в макроэкономические процессы излишни. Конфликт целей будет всегда воспроизводиться, ведь сами ожидания по своей природе дают основания для его воспроизводства.

В-третьих, таким способом восполняется пробел между рациональными ожиданиями и динамическими макроэкономическими процессами, ведь многопериодные игры позволяют лучше описать логику стратегического поведения во вполне конкретных временных интервалах безотносительно к тому, что является предметом игры. Утонченность подхода Кидленда и Прескотта можно увидеть и в том, что он оказывается за пределами дискуссии об эпистемологии связи между инфляцией и безработицей. Достаточно приемлимого консенсуса в отношении отсутствия конфликта между инфляцией и безработицей в долгосрочном периоде, что вполне резонно ввиду того, что даже П. Самуэльсон с этим полностью соглашался, а в отношении проблемы в краткосрочном периоде – она может бесплодно дискутироваться сколько угодно по поводу того, совпадают ли ожидания с действиями или нет.

В-четвертых, рыночные агенты и их поведение выступают ограничительным фактором государственной интерференции, поскольку любые попытки «переиграть» их ведут к «проигрышу» органов экономической политики.

В-пятых, распространение на органы экономической политики схемы анализа полезности и благосостояния экономических агентов через использование функции потерь сделало микроэкономический инструментальный универсальным и общим при теоретизировании как микро-, так и макропроцессов. С одной стороны, микроэкономические основы макроэкономики расширились благодаря аппарату теории игр, а с другой – между микроанализом и динамической макроэкономикой был проложен дополнительный «объединительный мост», что по-настоящему отличило «новых классиков» от, скажем, монетаристов, которые критиковали кейнсианство преимущественно в рамках макроэкономического плацдарма. Значение микроанализа как инструмента теоретизирования сложных динамических процессов существенно возросло, а школа рациональных ожиданий получила дополнительный аргумент в пользу того, что является целостной доктриной, которая на общей методологической базе исследует статичные и динамичные макро- и микропроцессы. До возникновения «нового кейнсианства» в 1990-х ни одна экономическая школа не могла продемонстрировать такого преимущества.

Взгляд на проблему политики под углом зрения динамичной инконсистентности не исключал того, что самым простым способом преодоления инфляционного смещения будет осуществление политики на основе правила, пользующегося доверием. Если М.Фридмен говорил о правиле с точки зрения проблемы лагом, то в этом случае самым главным есть преодоление априорной неэффективности дискреционной политики. Практический модус такого подхода вписывался в парадигму новой макроэкономики, которая, как показал Р. Лукас в своих ранних работах, искала ответы на вполне прагматичные вопросы, связанные с проблемой экономической политики. Дискуссии по поводу проблемы «правила против дискреции» быстро стали центральным звеном монетарной теории. Если практическая политика еще длительное время оставалась под влиянием монетаризма, то уже в с 80-х гг. начала быстро популяризоваться предложенная Кидлендом и Прескоттом категориальная база анализа экономической политики. В научном обороте начали активно применять макроэкономическое теоретизирование понятий «доверие» и «репутация» [13, 14]. Поиски оптимального поведения Центробанков, преодолевающего жесткость правил, но и не наталкивающего на динамическую инконсистентность, присущую дискреции, превратились в ключевую проблему развития монетарной теории 80–90-х гг. [15, 16]. Под влиянием развития идей по поводу теории динамической инконсистентности монетарная теория пересмотрела базовый категориальный аппарат классификации вариантов монетарной политики. Этимология режима таргетирования инфляции, предложенного Т. Перссоном и Г. Табеллини, – наиболее популярный вариант поведения современных центральных банков, включающий рациональные ожидания и коммуникацию с ними в структуру самого режима – также основывается на развитии теории, толчок которой был задан пионерной работой Кидленда и Прескотта. Принцип динамической инконсистентности начал активно использоваться везде, где экономическая политика сталкивалась с проблемой выбора. Монетарная экономика быстро потеряла монополию на использование методологии нобелиантов, а правила политики стали универсальной категорией, что позволило преодолеть разрыв между макроэкономической и институциональной теориями.

Не менее важным теоретическим ударом Кидленда и Прескотта по тогдашней теории стала их работа 1982 г. Если теория динамической инконсистентности доказывала неэффективность вмешательства в экономику со стороны анализа эффективности политики, то статья «*Время строить и агрегировать колебания*» продемонстрировала, насколько ограничены теории, сориентированные на проблему спроса. Так, еще в 1976 г. Р. Лукас предложил альтернативную модель совокупного предложения, опирающуюся на ряд новаторских идей и увязавшей между собой рациональные ожидания и естественный уровень загрузки производственных мощностей, закладывая основы для дифференцированного анализа макропроцессов в кратко- и долгосрочном периодах. Значимость именно модели совокупного предложения в новой макроэкономике является принципиальной, поскольку именно от нее отталкивается построение всего макроэкономического каркаса «новых классиков» и преодолеваются критические замечания типа того, что теория односторонняя (как в случае с монетаризмом, который акцентировал внимание на анализе монетарных феноменов). Кидленд и Прескотт пошли дальше и, не претендуя на пересмотр теории деловых циклов (а их часто упрекают в том, чего они и не сделали, поэтому их подход не универсален в плане исследования природы циклов), продемонстрировали, что краткосрочные флуктуации выпуска, являющиеся

следствием технологичных шоков, равновесны и, что самое главное, обусловлены межвременной оптимизацией инвестиционных решений рациональных экономических агентов. И так, инвестиционная реакция, а следовательно, опосредствованно и реакция потребления на технологические шоки приводит к тому, что неравномерные во времени технологические инновации и разная длительность внедрения нововведений приводят в совокупности к ситуации, когда в каждый момент времени совокупное предложение будет оставаться на своем равновесном уровне безотносительно шоков со стороны совокупного спроса. Отклонения от тренда – закономерная реакция экономических агентов на технологический шок. В периоды позитивного технологического шока возрастает продуктивность производственных факторов, потому увеличиваются инвестиции и предложение на рынке труда. В периоды, когда технологический шок затухает, объемы инвестиций и предложение рабочей силы сокращаются. Эта, казалось бы, очевидная логика длительное время была вне рамок формального доказательства, а потому не воспринималась академической наукой как respectable конструкция. Для формального доказательства равновесности экономической системы в каждый период времени при том, что темпы роста не постоянны, нужно было установить взаимосвязь между агрегированными показателями инвестиций, выпуска и потребления и микроэкономическими основами поведения экономического агента, например, в отношении преимуществ занятости или свободного времени, учесть обратные эффекты от инвестиций в технологии, смоделировать ожидания отдачи от новых технологий и т.д.

В этой статье авторы совершили прорыв и существенно расширили горизонты анализа по целому набору проблемных вопросов в тогдашней теории.

Во-первых, они первыми применили анализ трендовых данных в совокупности с фактическими темпами роста. Такой подход не применялся до этого, поскольку традиционная теория циклов сосредотачивалась на долгосрочных паттернах повторяемости, а традиционная неоклассическая теория экономического роста – на вкладе факторов в прирост выпуска, чем, естественно, игнорировала проблему трендов. «Остатки Солоу» превращались во вторичные детерминанты движущих сил экономической динамики, которые объясняли неравномерность темпов роста не потому, что для этого предназначались, а потому, что этого нельзя было сделать на основании привычного анализа с помощью производственной функции. В результате технологические факторы моделировались как экзогенные, поэтому и отклонение от трендов воспринималось как отклонение от долгосрочного равновесия. В случае же с подходом Кидленда-Прескотта сочетание тренда с приростными данными в пределах одной модели превращало технологический шок в эндогенный. Отсюда: отклонения от тренда не является нарушением равновесия. По сути, консенсус в отношении краткосрочных колебаний, сформированный кейнсианцами, монетаристами и ранними представителями новой макроэкономики по части того, что долгосрочный рост задается реальными факторами (производительность, технологии), а краткосрочные отклонения от тренда – шоками спроса, был нарушен. Благодаря утверждению, что в каждый данный текущий момент экономика пребывает в состоянии равновесия благодаря оптимизационному поведению экономического агента, теория роста получила новые импульсы развития с точки зрения исследований проблемы краткосрочных колебаний. Аналогично, краткосрочные флуктуации были инкорпорированы в теорию роста, чем обогатили последнюю и усилили ее базовые позиции в плане фундаментальной значимости технологических факторов и производительности. Например, в одном из

интервью Э. Прескотт констатирует, что неоклассические модели экономического роста удовлетворительно объясняли природу роста и его тренд, однако не касались проблем бизнес-циклов, благодаря чему выглядели неполными и ограниченно репрезентативными [10, 347].

Во-вторых, удалось отойти от монетарных версий бизнес-цикла, сформулированных монетаристами, а позже развернутых Р. Лукасом в теорию монетарного сюрприза, где главный акцент делался на шоках спроса и которые не вносили новизны в фундаментальную макроэкономику, хотя и были вполне практичными с точки зрения экономической политики. Сочетание микроэкономических поведенческих моделей с реальными факторами (выпуск, инвестиции, потребление, предложение труда) по-настоящему позволяло претендовать на то, что новая классическая макроэкономика имеет в своем арсенале модели, выходящие за пределы шоков спроса. Более того, шоки последнего, как и дискуссии вокруг правильной или неправильной политики, уже не представляются достаточно значимыми. В этом плане также важно то, что рациональное поведение экономического агента касается не только оценки политики, т. е. того контекста, в рамках которого развились монетарные теории бизнес-цикла и возобновились дискуссии о неравалентности кривой Филлипса, а также и фундаментальных процессов выпуска, инвестиций и потребления.

В-третьих, Кидленд и Прескотт продемонстрировали возможности применения сложных динамических моделей с рациональными ожиданиями на основе экономико-математического моделирования. Предложенная ими техника стала основным эконометрическим орудием для следующих поколений исследователей. Особого внимания заслуживает метод калибрования данных. Если первые теоретические сентенции по этому поводу были обрисованы Лукасом и предназначались в качестве противовеса традиционным кейнсианским структурным моделям, то именно нобелианты 2004 г. в полной мере использовали метод калибрования, предложив для этого операбельную математическую конструкцию, доступную для тогдашней компьютерной обработки. Метод калибрования был использован ими для проверки гипотезы о том, насколько циклическое поведение ВВП США отвечает теоретически предсказанному значению «остатков Солоу», исходя из того, что модель, увязывающая технологические шоки с краткосрочными флуктуациями выпуска, имеет так называемые «плавающие» параметры. Именно благодаря тому, что метод калибрования позволял подбирать наиболее реалистичные данные по экономике США для тестирования модели, результаты такого тестирования оказались статистически значимыми. Если на сегодня метод калибрования никого не удивляет и является неотъемлемым элементом векторно-авторегрессионных моделей, исследование функции отзыва на импульс и т. п., то в начале 80-х это стало настоящим шоком. Многие авторитетные экономисты восприняли метод калибрования буквально. Однако последующий прогресс в сфере развития сложных динамических моделей и эконометрической техники анализа доказали жизнеспособность метода калибрования.

В-четвертых, удалось обеспечить моделирование технологических шоков, или технологических импульсов, и включить это в динамические стохастические модели с более широким набором агрегированных данных. Важность этого следует из преодоления скепсиса относительно невозможности математизации наследия Й. Шумпетера и его новаций по части технологических факторов долгосрочного роста. Существующие методики оценки вклада прогресса технологий в экономический рост базировались на работах Я. Тинбергена, Р. Фриша и Р. Солоу и касались остаточных

значений выпуска, что не могло объясняться вкладом труда и капитала в рамках производственных функций. Моделирование технологических шоков по принципу импульсов (*impulse*) и распространения (*propagation*) также было важным с точки зрения, по которой последние не рассматривались вне пределов приспособления экономического агента к колебаниям относительных цен, а сами шоки включались в зону предвидений рационального индивида. Отсюда удалось преодолеть рубеж между тем, что технологические импульсы, имея разную скорость и глубину прохождения, могут иметь несходные последствия для инвестиций, выпуска и занятости с точки зрения того, насколько они предвидены и могут перерасти в распространение изменений в технологиях по экономике в целом. Так, предвиденные технологические шоки предусматривают более значительное нагнетание инвестиций в экономику, что приводит к возникновению восходящей фазы цикла. Затухание импульсов уменьшает инвестиции и возвращает экономику на предыдущий тренд. В случае, когда технологический шок не был предвиден, объемы инвестиций могут остаться незначительными и восходящая фаза цикла не будет такой крутой, как в предыдущем случае. В обоих случаях фаза цикла и его амплитуда выступают реальными факторами, не связанными с колебаниями спроса.

Если соединить теорию динамической инконсистентности с теорией реального бизнес-цикла, становится очевидным, что Кидленд и Прескотт завершили формирование каркаса новой макроэкономики – макроэкономики, в которой экономические колебания становятся вполне естественным равновесным процессом, вмешательство в который приводит к нежелательным последствиям, причем последние становятся производными от самого факта вмешательства, а поведение экономических агентов выступают наиважнейшим объектом моделирования, как и реальные макроэкономические переменные. Подчеркивая отличия с кейнсианской парадигмой, Прескотт констатирует, что теория реального бизнес-цикла не оперирует уравнениями, характер и содержание которых часто являются противоречивыми, а оперирует производственными функциями и равновесными подходами [10, 353]. Благодаря этому, методологически эта теория оказывается в выигрышной позиции. Каждое отдельное уравнение, которое, например, используется в кейнсианских моделях, можно поставить под сомнение как с макроэкономической («критика Лукаса»), так и микроэкономической (соответствие поведенческим аксиомам и эмпирическим фактам о поведении) точек зрения. Благодаря этому, вся модель оказывается в зоне потенциального опровержения, а ее прогностические свойства вообще сводятся к минимуму. Применение подхода к моделированию агрегированных данных на основе производственных функций снимает эту проблему. Модель приближается к отражению экономики в целом без фрагментации на составные элементы – уравнения, содержание которых можно поставить под сомнение. Идя намного дальше, чем основатель теории рациональных ожиданий Р. Лукас, который неоднократно высказывался по поводу валидности многих предположений своих последователей, Кидленд и Прескотт заложили основы для последующего прогресса всей макроэкономической науки. Так, теория динамической инконсистентности стала отправной точкой для дискуссий по поводу структуры политики, ее правил и оптимизационного поведения субъектов. Хотя прямо она не была использована в практике центробанков, однако все последующие исследования в сфере монетарной теории неразрывно с ней связаны. Развитие теории реального бизнес-цикла в работах нобелиантов и других представителей новой макроэкономики существенно обогатил понимание движущих сил экономического роста и понуждал к

пересмотру предубеждений о необходимости применения разных подходов к анализу экономической динамики в странах с разными экономическими системами. Теории экономического роста активно обогатились благодаря равновесному моделированию краткосрочных колебаний, а усиление научных позиций концепции эндогенного роста непосредственно основываются на исследованиях реальных бизнес-циклов. Господствующая неоклассическая схема анализа процессов экономической динамики соединяет эндогенность со стохастическими технологическими шоками, побуждая к установлению понимания естественных пределов эффективного государственного вмешательства в процессы стимулирования развития. Дискуссии об эффективности стабилизационной политики, или макроравновесие в кратко- и долгосрочных периодах невозможны без учета вклада Кидленда и Прескотта, благодаря чему неолиберальная экономическая доктрина получила фундаментальное научное обоснование. Как признают новые кейнсианцы, без вклада представителей новой классической макроэкономики нельзя было бы вести речь и о прогрессе кейнсианской доктрины. Обогащаясь идеями Кидленда и Прескотта, теоретическая программа нового кейнсианства превратилась в современный макроэкономический мейнстрим, способствуя появлению нового консенсуса (по аналогии с самуэльсоновским неоклассическим синтезом).

На протяжении последних десятилетий научные интересы Кидленда и Прескотта часто пересекались. Каждый из них по-своему продолжил исследование проблемы реальных бизнес-циклов и оптимальной макроэкономической политики. Возрастающий интерес к проблеме опережающего развития и вопросов конвергенции уровня доходов стимулировал активное инкорпорирование в теоретическую программу новой классической макроэкономики в рамках моделей эндогенного роста.

И Э. Прескотт, и Ф. Кидленд демонстрируют громадный интерес к проблеме экономического роста в странах с низкими доходами, откровенно отрицая структуралистские подходы, сформированные в 60-х благодаря приспособлению кейнсианской ортодоксии к потребностям развивающихся стран. Несмотря на смещение внимания в сторону проблем экономического роста, глобальной конвергенции деловых циклов и доходов на душу населения и т. п., вопросы поведения экономического агента, экономических колебаний и монетарной политики остаются теоретической «визиткой» обоих.

Ф. Кидленд так начал свою Нобелевскую лекцию: «Я рад стоять перед таким количеством людей. Также я очень счастлив, когда начинаю работать с моделями многих людей. Это ключевая проблема в структуре исследований, за которые мы с Эдом Прескоттом были отмечены Нобелевским комитетом. Люди могут быть представлены непосредственно как модели. Их проблема принятия решений является полностью динамической – люди имеют ожидания будущего. Это основные черты того, что мы в итоге искали, – структуры, с помощью которой мы могли бы оценивать экономическую политику» [17]. Здесь четко прослеживается акцент на практическом значении исследований представителей новой классической макроэкономики – акцент, который всегда подчеркивался ими, еще начиная с первых разысканий Р. Лукаса, несмотря на сложность теоретического и математического аппарата и невероятную интеллектуальную утонченность, ставшей объектом филиппик оппонентов. Например, Гр. Манкив, подвергая критике теорию реальных бизнес-циклов, признал, что она стала основным источником толчка для последующего развития макроэкономики, а теорию динамической инконсистентности – самым главным достижением теории в сфере анализа экономической политики за последние двадцать лет [10, 436].

Таким образом, Нобелевская награда в 2004 г. Ф. Кидленда и Э. Прескотта стала закономерным продолжением признания ученых, сделавших прорывной вклад в фундаментальную экономическую науку, на основе которого удалось радикально пересмотреть основы макроэкономической политики. Теории динамической инконсистентности и реального бизнес-цикла заложили базу для последующего анализа динамических процессов реализации экономической политики в условиях рационального поведения экономического агента и равновесных краткосрочных колебаний. Благодаря этому, представления о пределах эффективной стабилизационной политики и естественном характере текущих флуктуаций радикально изменились, создавая фундаментальное обоснование для ограничения государственного вмешательства в макроэкономические процессы.

Литература

1. Козюк В. Финн Кидленд та Едвард Прескотт: внесок у розвиток теорії макроекономічної політики / В. В. Козюк // Світ фінансів. – 2005. – Вип. 1. – С. 119–123.
2. Балашова Е. Финн Кюдланд и Эдвард Прескотт: движущие силы экономических циклов (Нобелевская премия 2004 г. по экономике) / Е. Балашова // Вопросы экономики. – 2005. – № 1. – С. 133–143.
3. Замулин О. Концепция реальных экономических циклов и ее роль в эволюции макроэкономической теории / О. Замулин // Вопросы экономики. – 2005. – № 1. – С. 144–153.
4. Макдональд Р., Милбурн Р. Новые разработки в денежной теории / Р. Макдональд, Р. Милбурн // Панорама экономической мысли конца XX столетия / Под ред. Д. Гринзюэя, М. Блини, И. Стюарта: В 2-х т. / Пер. с англ. СПб.: Экономическая школа, 2002. – Т. 1. – С. 351–382.
5. Fischer St. *Modern Approaches to Central Banking* / St. Fischer // *NBER Working Paper*. – 1995. – № 5064. – P. 1–55.
6. Kydland F., Prescott E. *Rules Rather than Discretion: The Inconsistency of Optimal Plans* / F. Kydland, E. Prescott // *Journal of Political Economy*. – 1977. – 85 (3). – P. 473–492.
7. Kydland F., Prescott E. *Time to Build and Aggregate Functions* / F. Kydland, E. Prescott // *Econometrica*. – 1982. – Vol. 50. – P. 1345–1369.
8. Summers L. *Some Skeptical Observations on Real Business Cycle Theory* / L. Summers // *Federal Reserve Bank of Minneapolis Quarterly Review*. – 1986. – 10 (fall). – P. 23–27.
9. Knoop T. *Modern Financial Macroeconomics: Panics, Crashes, and Crises* / T. Knoop. – Blackwell Publishing, 2008. – 274 p.
10. Snowdon B., Vane H. *Modern Macroeconomics. Its Origins, Development, and Current State* / B. Snowdon, H. Vane. – Mas.: Edward Elgar Publishing, 2005. – 826 p.
11. Lucas R. *Some International Evidence on Output-Inflation Tradeoffs* / R. Lucas // *American Economic Review*. – 1973. – № 63/3. – P. 326–334.
12. Lucas R. *Econometric Policy Evaluation: A Critique* / R. Lucas // *Carnegie-Rochester Series on Public Policy*. – 1976. – Vol. 1.
13. Barro R., Gordon D. *A Positive Theory of Monetary Policy in a Natural Rate Model* / R. Barro, D. Gordon // *Journal of Political Economy*. – 1983. – 101 (3). – P. 589–610.

14. Barro R., Gordon D. *Rules, Discretion and Reputation in a Model of Monetary Policy* / R. Barro, D. Gordon // *Journal of Monetary Economics*. – 1983. – № 12. – P. 101–120.
15. *Beddies Ch. Selected Issues Concerning Monetary Policy and Institutional Design for Central Banks: A Review of Theories* / Ch. Beddies // *IMF Working Paper*. – 2000. – WP/00/140. – P. 1–48.
16. Capie F., Goodhart Ch. *The Future of Central Banking* / F. Capie, Ch. Goodhart, St. Fischer, N. T. Schnadt. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 296 p.
17. Kydland F. *Quantitative Aggregate Theory. Nobel Prize Lecture* / F. Kydland // www.dallas-fed.org.

Редакция получила материал 25 сентября 2010 г.